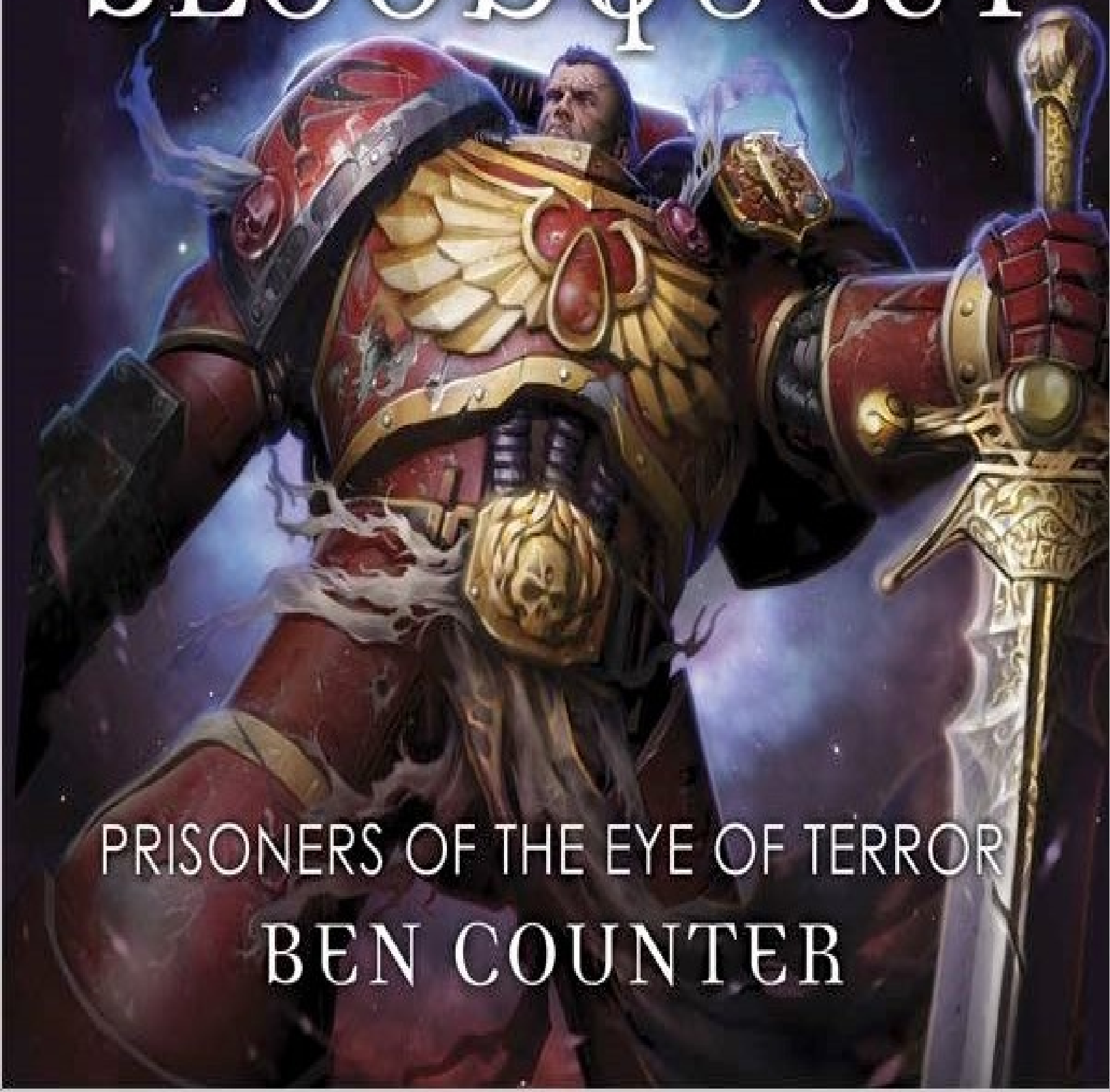

WARHAMMER
40,000

BLOODQUEST

PRISONERS OF THE EYE OF TERROR
BEN COUNTER

Пролог

Я расскажу вам об Эйдолоне.

Эйдолон... Мир материализованного безумия, принадлежащий наполовину реальности, а наполовину – варпу. Эйдолон, где бродят демоны и правят их лорды, где нашли приют армии потерянных и павших. Планета, покрытая бесконечными полями сражений, изрытая рубцами убийственных пустынь. Арена и игрушка темных богов.

Я хорошо знаю Эйдолон. Я – Демосфен Кейн из 409-го Кадмейского янычарского полка, пехотинец Имперской Гвардии, полковой архивист, летописец наших невзгод. Мой долг и мое бремя – писать о наших битвах и погибших героях, и, в последнее время, – об ужасах и сумасшествии, в которые мы погрузились.

История о том, как Кадмейские янычары оказались на Эйдолоне, воистину печальна, но вам не придется слушать о моей скромной персоне. Вместо этого услышите о созданиях куда более великих, чем я.

О космических десантниках.

О лучших воинах Императора, солдатах, которых знают и боятся по всей Его галактике. Более того – о Кровавых Ангелах, представителях самого прославленного ордена.

Группа этих воинов, под предводительством капитана Леонатоса, странствовала по демоническому миру. Капитан, запятнавший себя потерей реликвии Кровавых Ангелов, меча Белария, поклялся вернуть его, и этот поход привел их на Эйдолон; капитан полагал, что меч находится в руках местного демонического владыки.

В поход с ним отправилось несколько товарищей, но после многочисленных испытаний осталось лишь трое. Скауты-послушники, Лизандр и Протей, – смелые, безусловно, но юные и неопытные – и брат Клотен, непрерывно борющийся с генетическими проклятиями Кровавых Ангелов, Красной жаждой и Черной яростью. Говорили, что это яростное

безумие было наследием их примарха – Сангвиния.

Странники

Они долго странствовали и претерпевали многие тяготы, лишались братьев и находили врагов. Теперь они брели по нескончаемым бесцветным пустыням Эйдолона, пока в конце концов на горизонте не показалась огромная крепость из черного камня и кости.

Протей: Капитан Леонатос, смотрите, впереди! Видите?

Леонатос: Выглядит неприветливо. Готов поспорить, того, что мы ищем, там нет, а есть только враги.

Клотен: Слишком долго мы не проливали здесь кровь. Капитан, это грех: находиться на мире, полном врагов, и не сражаться с ними.

Леонатос: Мы никогда не должны забывать о своей миссии, брат Клотен. Нам не вернуть меч Белария на родной мир, если будем рисковать, вступая в битвы, которые не ведут нас к нашей цели.

Протей: Дело не только в крепости, капитан. Посмотрите на парапет!

Леонатос: Там висит знамя – трофей, взятый тем, кто живет в этой крепости. Но... Хорошо подмечено, послушник Протей! Это знамя Кадмейских янычар, 409-й полка!

Лизандр: Полк Имперской Гвардии... Меня не удивляет, что здесь оказался трофей, захваченный у Гвардии, но что в этом такого исключительного?

Протей: Лизандр, неужели ты никогда ничего не слушал? В истории ордена об этом написано. На Трамессине-IV янычары воевали вместе с Кровавыми Ангелами против ксеносов. Они сражались с такой доблестью, что мы обменялись кровавой клятвой, пообещав, что будем поддерживать друг друга, когда только возможно.

Леонатос: А теперь, если янычары заточены в этой крепости, наш долг чести – помочь им.

Лизандр: Но разумно ли отклоняться от цели нашего похода, капитан?

Леонатос: От моей чести и так немного осталось, скаут-послушник, я не стану терять те ее крупницы, что у меня еще есть, и сознательно нарушать клятву ордена. Мы должны выяснить, остались ли в этой крепости еще живые янычары. Если нет, мы продолжим свой путь. И как знать, может, брату Клотену там выдастся возможность кого-нибудь убить.

У крепости, казалось, был скелет, вырастающий из каменистой пустыни: костяные ребра и хребты, возносящиеся высоко в небо. Вокруг этих костей были построены стены из черного камня, на которые стояли статуи горгулий, выливавшие в ров бесконечные потоки крови. На ее башнях обосновались целые стаи стервятников, которые клевали тела, развешанные по стенам. И с каждой поверхности на окружающий мир злобно взирали символы Кровавого бога.

На парпетных стенах были выставлены военные трофеи: оружие, броня, головы вражеских чемпионов и знамена, захваченные в боях. Это был монумент войне, монумент в славу Кровавого бога, а черепа, наполнявшие алый ров, говорили о бесчисленных убийствах, вершившихся за стенами.

В поисках входа

Крепость определенно не держалась в стороне от дел демонического мира. Подъемный мост был опущен, а перед крепостью находился огороженный участок, к которому был приставлен краснокожий демон Кровавого бога. Странники могли купить здесь раба, боевого зверя или сделать ставку на участников боев, ведущихся на аренах с красным от крови песком.

Привратником служил чемпион Хаоса в обсидиановых отполированных доспехах, а рядом с ним съежился его слуга, забитый и покрытый шрамами

демон.

Кровавые Ангелы приблизились к ним.

Клотен: Канализация Ваала! Капитан, это место кишит демонами. Одна их вонь способна свести меня с ума!

Леонатос: Возможно, наивно просить тебя сохранять спокойствие, Клотен, но постарайся не терять контроль над собой. Нам не справиться с ними всеми – не сейчас. Мне не хотелось бы умирать здесь из-за одного лишь твоего безумия.

Клотен: Я буду держать кулаки при себе, сколько смогу, но не знаю, как долго получится.

Чемпион Хаоса встал на их пути. В руках у него была плеть из узловатой кожи, а на спине висел топор палача. Лицо его скрывал шлем, и только желтоватые глаза виднелись из-за забрала.

Привратник: Стоять, путники! Это тюремная крепость Муул, посвященная Владыке Черепов. Что вам здесь нужно?

Леонатос: Мы хотим купить рабов. Предпочтительно воинов-рабов, мы отправим их в армии наших повелителей. Люди из Имперской Гвардии, прислужники Императора, подошли бы лучше всего. Есть у вас такие?

Привратник: Имперские рабы, которых мы здесь держим, предназначены Кровавому Богу, путник. А вашему прибытию не предшествовало подношение даров в нашем храме! Я прав, Виннескар?

Стоявший рядом демон вздрогнул, когда произнесли его имя.

Виннескар: Не предшествовало, мой господин.

Привратник: Значит, вам здесь нечего делать. Мы торгуем только смертью. А нам от вас ничего не нужно – если только у вас нет собственной вереницы достойных боевых рабов.

Леонатос: Тогда хоть пропусти нас, привратник. Мы прошли долгий путь, и нам требуется отдых.

Привратник: Преданным последователям Кровавого Бога отдыхать не нужно. Если вам больше нечего сказать, идите дальше.

Протей: Привратник! Можно взять слово?

Леонатос: Протей, осторожно...

Привратник: И что же этот щенок хочет сказать?

Выстрел

Леонатос: Протей, отставить стрельбу!

Протей: Вот что мы предлагаем хозяевам этой крепости! Вы торгуете смертью, верно? Так вот вам смерть! За нее мы покупаем право входа. Ты принимаешь эти условия, демон?

Виннескар: Принимаю? О, да, с радостью принимаю! Теперь, когда мой повелитель мертв, я поднимаюсь до его должности привратника, и наделенной мне властью дарую вам, путники, право войти.

По жесту Виннескара демон отошел в сторону, и Кровавые Ангелы вошли в тюремную крепость Муул.

Леонатос: Это было дьявольски рискованно, Протей!

Протей: С первого взгляда было понятно, что демон-слуга яростно ненавидел привратника. Он был бы благодарен за смерть хозяина настолько, что пустил бы нас куда угодно. Таков Эйдолон: смерть в нужном месте решает все проблемы.

Леонатос: Твоя сообразительность и решительность заслуживают похвалы, скаут-послушник, но в следующий раз посоветуйся со своим офицером, прежде чем в гневе доставать оружие! А если бы твой план не сработал?

Протей: Тогда мы вступили бы со всеми местными демонами в бой. Разве это не был план Б?

Черные копи

Что я могу рассказать о Мууле? Это конец всех дорог. Черные копи. Канализация, куда стекались побежденные и проклятые и томились там, в крови и темноте.

Возможно, первыми возникли копи, вырытые в земле Эйдолона, и они были осадными укреплениями при какой-нибудь древней битве или логовом одного из огромных демонических чудовищ на этой планете. Или, может, сначала появилась крепость, а под ней уже вырыли копи, когда закончилось место для узников и пришлось продлевать ряды камер вниз. Но Муул определенно был древним, и стены покрывали бесчисленные резные изображения предыдущих зрителей крепости: жестоких тюремщиков и мучителей.

В крепости были тысячи темниц и пыточных камер, а в копиях под ней – еще тысячи. Это был механизм, осуществляющий бесконечный цикл, где продуктом были черепа, отходами – побежденные, а процессом – битва на выживание, в которой в конечном итоге проигрывали все.

Демоны Муула покупали или захватывали побежденных в войнах Эйдолона, приводили сюда с сотен ее полей и отправляли в темницы. Там, в почти непроглядной тьме тоннелей и камер, они беспрестанно сражались за крохи еды и немногочисленное оружие, которые бросали им демоны, лицом к лицу, зубами и когтями.

Смерть всегда была близка и внезапна, она подкарауливала в каждой тени. Но космический десантник для таких условий был приспособлен идеально.

Клотен: Эти проклятые мутанты поджидают нас за каждым углом!

Леонатос: Послушники, не тратьте боеприпасы. Для этих существ достаточно будет и мечей.

Звуки битвы

Лизандр: Это последние?

Протей: Пока что. У нас есть, наверное, несколько минут... Стойте! Там, внизу, тело в камере...

Лизандр: Человеческое тело, и на нем униформа имперского гвардейца. Так, его полковые знаки отличия... Капрал 409-го Кадмейского!

Протей: Янычары! И этого убили недавно. Они действительно здесь! И если этот не был последним из них, они живы!

Леонатос: Значит, мы уже близко. Вперед, братья! Будьте начеку. Мы здесь агрессоры, но Муул способен превратить нас в очередную группу узников.

Глубоко под Муулом они набрали на обвалившийся собор, посвященный десятку нечестивых богов. Его купол почти полностью обрушился под весом верхних уровней, а боковые часовни представляли собой тупики, забитые вскрытыми саркофагами и костями потревоженных мертвецов. Раньше здесь поклонялись какому-то воителю Эйдолона, но теперь это были лишь еще одни руины под крепостью.

Кровавые Ангелы заметили, что на изображениях богов были стерты лица, а их статуи лежали на полу. Укрывшиеся здесь, кем бы они ни были, не хотели терпеть на себе взгляды языческих божеств.

В темноте блеснул оружейный прицел.

Леонатос: Кто за нами наблюдает? Я вижу ствол имперского лазгана!

Гвардеец: Не двигайся! Подойдешь ближе – и умрешь! Вокруг немало трупов, так что можешь быть уверен, я не лгу. Кто ты?

Леонатос: Ты можешь определить по нашему виду, солдат Императора.

Гвардеец: Трон Земли! Возможно ли это, здесь, в этой тюрьме?

Клотен: Возможно, гвардеец, не сомневайся.

Гвардеец: Космические десантники! Я и не думал, что мне доведется вас увидеть... Может, я уже мертв? Может, это последняя битва?

Леонатос: Пока еще ты жив. Мы ищем Кадмейских Янычар. И, полагаю, мы их нашли? Можем мы войти?

Гвардеец: Разумеется! Во имя Императора, ангелы смерти здесь!

Ангелы смерти... Так простые солдаты называли космических десантников. Ими они и казались, когда входили в сбор, где разбили лагерь Кадмейские янычары.

Видения Сангвиния

Кадмейцы устроили склад оружия и снаряжения, которое было у них, когда их захватили, и которое подбирали после сражений под крепостью: побитые лазганы, невысокие стопки батарей, изорванные бронежилеты, фляги с драгоценной чистой водой, постельные скатки для раненых и больных, дерево для сожжения мертвых.

По чудесной случайности меня среди них не было, и хотя я и потерял большую часть руки в окопах на Ганемос Альфа, полк позволил мне остаться в качестве хрониста, чтобы записывать историю его битв и вести списки павших.

Люди умирали, чтобы сохранить мне жизнь – и до, и после того, как мы оказались в копиях Муула – а когда я спрашивал, почему они это делают, ответ всегда был одинаков: кто-то должен остаться в живых, кто-то должен рассказать о судьбе Кадмейских янычар. И поэтому я выжил и стал свидетелем того, как Кровавые Ангелы спустились к нам, словно боги к дикарям на каком-нибудь забытом всеми мирке.

Все они были на голову выше самых высоких из наших солдат, а ведь кадмейцы вырастают большими людьми. Хотя они закутались в плащи, чтобы скрыть от обитателей Эйдолона символы на броне, было очевидно, что перед нами те же воины, которых мы видели на иллюстрациях в молитвенниках и на витражах в часовнях родного мира. Они были не просто солдатами. Они были посланниками Императора, орудием Его воли, ибо они несли смерть его врагам так же неумолимо, как если бы Он сам

сошел, чтобы убить их.

Я не могу точно сказать, что испытывал, когда смотрел на них. Там, в месте, столь далеко от императорского света, словно замерцал осколок божественного. Я чувствовал не счастье, нет. Я чувствовал что-то вроде ужаса.

Они захотели поговорить с нашим командиром. По велению судьбы полковник Тибальт был еще жив.

Тибальт: Не ожидал увидеть здесь четырех космических десантников.

Клотен: Не просто космических десантников. Кровавых Ангелов.

Тибальт: Значит, на молитвы моих солдат ответили, причем буквально. Старые клятвы еще остаются? Древние договоры, которые связывают наши судьбы?

Леонатос: Остаются. Здесь, на Эйдолоне, нас только четверо, но у нас есть долг чести перед янычарами, и мы поможем вам выбраться отсюда, если сумеем.

Тибальт: Все сначала пытаются выбраться. Но демоны каждый день отправляют сюда новых узников и вынуждают сражаться друг с другом. Заключение так заняты боями, что у них не возникает и мысли о побеге. Если мы объединимся, может, нам удастся справиться с демонами, но вы, безусловно, видели, какие недолюди и безумцы здесь обитают. С ними союза не заключить. Мы одни... Точнее, были одни, пока вы не прибыли.

Леонатос: Каковы ваши силы?

Тибальт: Двести здоровых человек. Еще пятьдесят, которые могут ходить, но не более. И еще несколько при смерти. Сильный отряд – был бы в других обстоятельствах – но тут нас едва хватает, чтобы удерживать собор. Нам повезло, что у нас есть оборонный пункт, и все же наши шансы на выживание падают; каждый день мы рискуем людьми, чтобы ночью у нас была еда и вода.

Леонатос: Мы нашли тело одного из ваших, капрала.

Тибальт: Джастинин... Он отправился в патруль, чтобы найти узников и собрать информацию. Он был хорошим солдатом. У нас только хорошие и остались.

Клотен: Как вы оказались на Эйдолоне?

Тибальт: “Эйдолон”? Так вот как называется этот мир? Мы видели только помещения этой тюрьмы. Мы воевали над Субиако Дьябло, штурмовали корабли захватнического флота. Но увы, ими управляли демоны и служители Темных богов, и во время боя они применили какое-то коварное заклинание. Враги заключили договор с главой местных демонических надзирателей, неким существом, которого зовут лорд Хексус. Нас перенесло сюда, и с тех пор мы сражаемся.

Леонатос: Но вы подумывали о побеге?

Тибальт: Ха, разумеется, иначе мы сейчас были бы мертвы. Но другие заключенные всегда готовы приставить нож к нашему горлу, а у нас нет возможности организовать атаку на надзирателей. Они из какой-то странной породы демонов, предпочитают смотреть, как их жертвы убивают друг друга, а не пачкать кровью собственные когти. Полагаю, они были созданы специально для того, чтобы охранять это место. У крепости, по-видимому, есть только одно предназначение – быть местом для этой битвы на выживание. Кровопролитие – это и есть цель.

Леонатос: Как того требует Кровавый бог. Говорят, ему все равно, откуда льется кровь. Полковник, мы выведем вас и ваших солдат отсюда, если это возможно.

Тибальт: Тогда я надеюсь, что у вас есть очень хороший план, капитан.

Пришла ночь, а вместе с ней и тьма. Эйдолонская ночь проникала даже в эти подземные лабиринты, тени расползались, а крики вдали, казалось, были переполнены уже не столько болью, сколько страхом одиночества.

Те, кто был способен спать, нашли себе угол в разрушенном соборе и забились туда. Большинство стояло на страже или молилось.

Леонатос: Брат Клотен, когда ты последний раз спал?

Клотен: Космическому десантнику много сна не нужно, капитан.

Леонатос: Даже наши возможности ограничены. Подремли пару часов. Если на нас нападут, гвардейцы нас предупредят, а мне нужно, чтобы ты был полон сил.

Клотен: По правде говоря, мысль о сне вызывает во мне неприятие. Начались видения.

Леонатос: Видения Сангвиния?

Клотен: Я смотрю через его глаза. Я вижу лицо Хоруса, магистра войны, и я чувствую, как его когти рассекают мою плоть. В мгновение между сном и пробуждением я не знаю, кто я: брат Клотен или примарх Сангвиний. Я не знаю, что могу сотворить в это время. Капитан, я знаю, что мы должны не ведать страха, и мне стыдно использовать это слово, но я боюсь того, что может случиться в следующий раз, когда я погружусь в полусон.

Леонатос: Ты знаешь, что мы не оставим тебя, брат. Мы свяжем тебя, если потребуется, но не отречемся, что бы Черная ярость ни сделала.

Клотен: Тогда я надеюсь, что буду помнить об этом, когда она в конце концов захватит меня.

Демоны снаружи

В ту ночь надзиратели Муула поджидали их снаружи.

Тела демонов бесконечно изменчивы, и эти приняли облик четырехногих созданий, краснокожих кентавров, с алой чешуей вместо шкуры и со скорпионьими хвостами.

Человеческие части их тел были мускулистые и гибкие, а из плоти выступали костяные шипы. Головы их венчали рога, а кожа на лицах

висела лохмотьями, будто они надели рваные маски на свои настоящие лица. У большинства были хлысты и раскаленные штемпели для клеймления – орудия тюремщиков и палачей – и они хватали случайных узников своими когтистыми лапами и утаскивали в тень, чтобы разорвать их на куски и сожрать.

Многие янычары пали жертвами демонов в первые же дни своего заключения, поддавшись на провокации и вступив в открытый бой. А теперь гвардейцы переживали бурю в соборе, сжавшись и молясь, чтобы и этой ночью демоны ограничились лишь насмешками.

Они собрались у окон собора, которые неведомым образом уцелели до этого момента. В окнах стояли витражи – шедевры какого-то безумного культа, абстрактными смещениями цветов изображавшие лишенную форму пустоту. А за ними вырисовывались тени демонов-надзирателей, и их слова гремели в ночи.

Первый демон: Люди 409-го! Без вас Империиум охватило пламя! Терра пала, и пепел императора-трупа развеян в пустоте!

Второй демон: Присоединитесь к нам, насладитесь кровью! Вы можете стать завоевателями, героями, богами! Просто вступите во тьму и присоединитесь к нам, это же так просто.

Первый демон: Мы уже освежали солдата, которого вы потеряли, и используем его шкуру как штандарт. И вы не помешаете нам так его осквернять? Отомстите за него, если смеете!

Тибальт: Я бы посоветовал вам не обращать на них внимания, Кровавый Ангел, но знаю, что это невозможно. Слабывать нам дух им нравится не меньше, чем смотреть, как мы друг друга убиваем.

Гвардеец: Полковник, сэръ! Они у окон!

Тибальт: Не стрелять. Не забывайте, что нельзя им отвечать. Не доставляйте им этого удовольствия.

Первый демон: У нас есть замечательная камерка специально для вас! Мы можем держать вас живыми сотни лет!

Второй демон: За это время можно будет в полной мере проявить на вас нашу фантазию.

Клотен: Хотел бы я ответить на его слова парочкой действий!

Леонатос: Держи себя в руках, Клотен.

Второй демон: Что это я слышу! Космический десантник, один из лучших воинов бога-трупа? Какой приятный сюрприз!

Первый демон: Да к тому же Кровавые Ангелы! Ваальские собаки почтили нас своим присутствием! Каково это: быть величайшими воинами человечества, и при этом сидеть тут в ловушке, как крысы?

Клотен: Пусть дальше болтают. Скоро я им на все отвечу.

Леонатос: Успокойся, брат.

Первый демон: Вы сгниете тут, как и все остальные. Как Сангвиний, зарезанный магистром войны!

Клотен: Будь ты проклят, демон! Может говорить что угодно обо мне или даже о моих боевых братьях, но не смей произносить имя Сангвиния своим грязным языком!

Второй демон: Это твякающая собачонка сдохнет тут, как сдох их примарх!

Леонатос: Клотен, нет!..

Звон разбитого витража

Клотен: Тогда ты сдохнешь, как сдох магистр войны!

Вопль демона

Гвардеец: Они лезут внутрь! Открыть огонь! Открыть огонь!

Красота побоища

Это побоище было по-своему красиво. За время, проведенное в подземельях Муула, взгляд на подобные вещи несколько искажается. Демонический хлыст, обвивающий шею солдата и, оторвав человека от земли, ломающий ее. Силовой кулак Кровавого Ангела Клотена, одним ударом разносящий тело демона на куски, клочья плоти, забрызгивающие стены собора. Меч капитана Леонатоса, мелькающий со скоростью молнии, и голова демона, катящаяся по полу.

Я слышал, как величественны космические десантники в бою, но не думал, что эти удивительные рассказы могут быть правдивы. Однако они были... Они были воистину ангелами смерти, воплощением войны.

Но бой шел яростный, гвардейцы и Кровавые Ангелы не могли прорваться через надзирателей, со всего Муула хлынувших в собор.

А потом словно шторм разразился внутри, словно поднялась волна из ненависти: явился лорд Хексус. Он ворвался в собор, проломив одну из стен и обрушив половину купола.

Нам удалось лишь мельком разглядеть его, этого темного повелителя Муула, командовавшего его демонической армией. Его огромный, мускулистый, кроваво-красный торс заканчивался тремя змеиными хвостами, хлеставшими вокруг. На три его рога, украшенные медными наконечниками, были насажены человеческие черепа. Его лицо... Его лицо вызывало ужас: три глаза, хищно распахнутая пасть, горящий символ Кровавого бога на лбу...

В шести руках он держал мечи и хлысты, и всюду, где он проползал, взмахи его оружия сражали людей одним ударом. В первые же мгновения от его рук пало с десятков наших гвардейцев – словно сама смерть пришла к нам и затмила даже космических десантников своим ужасающим величием.

Хексус: Что за ничтожные крысы забыли о своем предназначении? Вы здесь не для того, чтобы воевать с вышестоящими! Вы существуете, чтобы резать друг друга во славу Кровавого бога! Я покажу вам, где ваше место!

Леонатос: Эй, демон! Это я отказываюсь признавать твою власть, и это я отниму ее, насадив тебя на меч!

Хексус: Космический десантник? Глупое, спесивое создание! Я – твоя погибель!

Леонатос: Прикройте меня, братья. Я должен сразиться с этим гнусным созданием один на один.

Протей: Да, капитан.

Силовой меч Леонатоса глубоко ранил демона прежде, чем тот успел среагировать. Демонический лорд схватил Леонатоса и, развернув, швырнул Леонатоса в стену собора.

Но Леонатосу была хорошо известна слабость демонов Кровавого бога. Они впадали в ярость при виде противника и не знали других эмоций, кроме гнева. У них был только один путь – тот, что вел к кровопролитию. Леонатос знал, что сделает Хексус, еще до того, как это знал сам Хексус. Он знал, что демон бросится вперед, наклонив голову, чтобы насадить Кровавого Ангела на рога, и что тот думал лишь о том, как уничтожить тело противника и забрать его череп для своего бога.

А когда космический десантник в мельчайших деталях знает план действий врага, он может вырвать победу, пусть с усилиями и кровью, из рук самых опасных врагов.

Рев бросающегося в атаку Хексуса

Хексус: Стой спокойно, будущий труп!

Леонатос: У тебя слишком много рук, демон, позволь помочь тебе с этой проблемой.

Свист меча, крик Хексуса

Хексус: Можешь сопротивляться сколько хочешь, Кровавый Ангел, мне не нужны все шесть, чтобы выпотрошить тебя заживо! Я повешу твои внутренности в отхожем месте, и мои демоны будут испражняться на твои останки!

Звуки сражения

Хексус: Я повелитель Муула, и ты вообще жив лишь потому, что я так решил!

Леонатос: А ты умрешь, потому что так решил я!

Демонический лорд упал на пол собора, словно могучий дуб. Грудь его, вспоротая мечом Леонатоса, представляла собой кровавое месиво. Удивленное, испуганное выражение на его лице даже казалось немного... человеческим.

Демоны-надзиратели замерли, увидев, как пал лорд Хексус.

Тибальт: Вперед, янычары! Вперед, кадмейцы! Усильте атаку! В наступление! В наступление!

Солдаты 409-го Кадмейского и Кровавые Ангелы хлынули вперед, заставляя демонов отступить.

Прорыв

Мы вырвались из собора в катакомбы Муула.

Впервые с того момента, как 409-й оказался здесь заточен, мы увидели надзирателей Муула, впавших в панику, становящихся жертвами лазганного и болтерного огня, разбегающихся по лабиринту.

Леонатос: Полковник Тибальт, мы можем этим воспользоваться! Мы сломили дух местных надзирателей, хотя это и не входило в наши намерения. Они скоро перегруппируются, но если мы поторопимся, то сможем вырваться отсюда!

Тибальт: Я согласен, лучшего шанса не будет, к тому же я не могу оставить за собой столько мертвых, даже не попытавшись отвоевать свободу.

Путь из Муула был жесток и полон кровопролития. С каждым шагом мы теряли солдат, утащенных в тени мутантами, которые явились ради плоти

убитых. Некоторые надзиратели продолжали сражаться, и мы платили жизнями славных людей, чтобы победить их. Нас осталась лишь сотня – меньше половины тех сил, которыми мы располагали до наступления ночи, – когда мы впервые увидели дневной свет.

Гвардеец: Смотрите! Впереди! Выход!

Тибальт: Должно быть, это шлюз, через который наполняют ров. Во имя Терры, мы по колено в крови... Вперед, солдаты! Будьте начеку, не теряйте бдительность!

В Пустыне душ

Взирал ли кто-либо на пустыню Эйдолона с такой радостью, как мы, солдаты 409-го Кадмейского? Она была бесплодна и жестока, смертельно опасна и населена омерзительными созданиями, но мы были счастливы вступить в нее, словно это были зеленые леса нашего родного мира.

Мы знали, что наше ликование долго не продлится: нигде на Эйдолоне нельзя было чувствовать себя по-настоящему в безопасности, и мы до сих пор находились в тени крепости.

Леонатос: Мои десантники могут выживать здесь сколь угодно долго, но, боюсь, про ваших солдат нельзя сказать то же самое, полковник.

Тибальт: Вы правы. Пустыня – это истинная тюрьма. Без сомнения, узники сбегали и раньше, но погибали тут. Но, возможно, у нас есть надежда. Сразу после того, как мы здесь оказались, мы поймали мутанта, одного из немногих разумных. Он рассказал нам об оазисе – в одном дне пути от крепости, в направлении заходящего солнца. Быть может, это лишь легенда среди узников, но если это правда и если нас не будут преследовать, мы могли бы направиться туда и перегруппироваться.

Леонатос: Значит, у нас есть план. Ваши люди справятся с таким переходом?

Тибальт: Им придется, капитан. Тех, кто не справится, мы будем вынуждены оставить. Эйдолон не знает жалости, и, боюсь, мы тоже не можем ее себе позволить.

Говорят, что во всех пустынях галактики изможденный человек может увидеть на горизонте миражи. Пустыня Эйдолона не была исключением.

Но это были не просто иллюзии, созданные светом и теплом. Пустыне нравилось играть с нашим разумом и показывать нам невозможные вещи, призванные увести с пути. Я увидел на горизонте город из серебра и стекла, с башнями, уходящими в небо, но прямо на моих глазах он сгнил и рассыпался. Один солдат увидел свою семью, которую оставил на Кадмее, и побежал навстречу им в каменистую пустошь. Он не вернулся. Другой, раненый и истекший кровью, умер во время перехода, бормоча о чернокрылом ангеле, который спустился с небес, чтобы забрать его душу.

Люди говорили об огромном глазе в ночном небе, о голосах, что звали их по имени и повторяли их секреты. Возможно, не все это было иллюзией. Кто сможет определить, что реально, в таком мире, как Эйдолон?

Протей: Капитан Леонатос! Лизандр и я обнаружили оазис. Он лежит в часе пути на северо-восток.

Леонатос: И это не мираж?

Протей: Нет, капитан, мы оба его видели. И... капитан?

Леонатос: Говори, скаут-послушник.

Протей: Вы ранены!

Леонатос: Осколок одного из мечей лорда Хексуса. Он застрял у меня в поясице. Рана болит, но это меня не замедляет. Когда мы окажемся в покое и безопасности, я вытащу его. Я не упоминал о нем, потому что если гвардейцы станут думать, что мы смертны, нам это на пользу не пойдет. Для них мы не просто солдаты, мы Длань Императора, опустившаяся на этот мир, чтобы спасти их. Никогда не забывай, что значит космический десантник для простого смертного. Небольшая боль – ничто по сравнению с тем, что это нам дает.

Протей: Разумеется, капитан. Лизандр и я убедимся, что путь безопасен. Если в оазисе нет врагов, мы закрепимся там в течение часа.

Назвать это место пристанищем можно было лишь с большой натяжкой. Углубление в земле пустыни, с лужами грязной воды, рошицами шипастых деревьев и кустов, обвитых волокнистыми лозами, и пещерами в разбитой горной стене.

Когда мы приблизились, насекомые и похожие на ящериц создания метнулись прочь, а птицы-падальщики, которые следовали за нами еще с крепости, чтобы питаться нашими погибшими, кружили в небе.

Но все же это было убежище, а воду, вскипятив, признали годной к питью. Те, кому хватило реакции, чтобы поймать ящерицу, сообщили, что они даже относительно съедобны.

Янычары быстро разбили лагерь с помощью тех немногих материалов, которые сумели схватить перед побегом из собора, выставили дозор и занялись ранеными.

Тибальт: Возможно, нам придется выдвигаться уже через несколько часов, капитан. Что делать дальше?

Леонатос: Мы слышали, что севернее проходит караванный путь. Мы рассчитывали присоединиться к нему, выдав себя за паломников или странников, и добраться до ближайшего города, в который ведет нас наш поход. Ваши солдаты могли бы к нам присоединиться, или же вы можете попытаться счастье вдали от опасностей, которыми грозят встречи с обитателями этого мира, в каком-нибудь заброшенном месте. Я предоставлю вам право выбора. Мы должны продолжить свой поход, но я не могу требовать того же от ваших людей.

Тибальт: Я поговорю с ними. Если нас не будут преследовать, возможно, нам даже удастся соорудить здесь укрепления. А пока что... Мне не нравятся эти пещеры. Судя по тому, что я видел в этой пустыне, в них вполне могло что-нибудь обосноваться.

Леонатос: Я со своими Кровавыми Ангелами их зачищу. Они не выглядят

очень глубокими.

Тибальт: Я могу отправить с вами несколько своих солдат.

Леонатос: Ваши солдаты должны отдохнуть. Вы сами сказали, что это, возможно, единственная возможность, которая представится им в ближайшее время. Космический десантник справится со всем, что может там поджидать.

Тибальт: Тогда я займусь ранеными, капитан.

Кровавых Ангелов переход не изнурил так, как солдат 409-го. Невероятно было видеть их готовность немедленно вступить в бой – даже после сражения в Мууле и путешествия через пустыню.

Держитесь рядом, братья!

Они вошли в пещеру, держа наготове болтеры и цепные мечи. Леонатос и Клотен, Протей и Лизандр – и один лишь их мрачный облик обещал смерть любому, кто осмелится встать у них на пути.

Их глаза, аугментациями улучшенные сверх человеческих возможностей, могли видеть в абсолютной темноте, как при свете дня. Но в пещерах тьма, представлявшая собой нечто большее, чем отсутствие света, не уходила, она подкрадывалась и обволакивала, погружая их в ночь.

Леонатос: Держитесь рядом, братья!

Лизандр: Пещера уходит еще глубже. Кажется, тоннели впереди соединяются. Я слышу журчание воды – возможно, подземная река.

Клотен: Не нравится мне это место.

Леонатос: Не отвлекайся, Клотен. Я не могу допустить, чтобы ты потерял контроль над собой, как в соборе.

Клотен: Не беспокойтесь обо мне, капитан.

Шелест

Лизандр: Движение!

Протей: Где?

Лизандр: Где-то впереди, не могу точно сказать. Эхо мешает.

Голос: Ли... са... ндр...

Лизандр: Кто здесь? Кто это сказал?

Леонатос: Скаут-послушник, где ты? Я тебя не вижу. Возвращайся к нам.

Голос: Он называет тебя послушником... Словно ты какой-то зеленый юнец...

Леонатос: Лизандр! Ответь! Протей! Клотен!

Голос: Они тебя бросили...

Леонатос: Кто ты, обманщик? Кто бы ты ни был, ты выбрал не тех врагов!
Мы – Кровавые Ангелы, нас не так легко запугать.

Голос: Это лишь пока...

Леонатос: Умри же!

Звон меча

Арена Ваала

Воин: Кандидат! Кандидат, ты помнишь где находишься?

Леонатос: Это же арена испытаний! Боевое поле на Ваале, где жители

нашего мира сражаются, чтобы быть принятыми в орден Кровавых Ангелов!

Воин: Неужели ты рассчитываешь стать рыцарем Императора, лежа лицом в песке? Вставай, кандидат! Вставай и сражайся! Смотри, за тобой наблюдают!

На смотровых местах арены стояла группа Кровавых Ангелов – на расстоянии от зрителей, поглядывавших на них со страхом и благоговением, словно они были спустившимися с небес богами. Лидером группы был капеллан, со шлемом в виде черепа и в броне черного и костяного цветов. Он молча и оценивающе смотрел на молодых воинов, сражающихся на арене перед ним.

Леонатос: Это он выбрал меня из остальных и отвез в монастырскую крепость! Все это иллюзия! В пещерах обитает какой-то демон, искажающий наш разум!

Воин: Твой противник больше не собирается ждать! Поднимайся, кандидат, и сражайся!

Леонатос обнаружил, что здесь у него в руках есть меч – но не силовой, а клинок ваальских воинов, из числа которых Кровавые Ангелы набирали рекрутов. Вместо брони космического десантника на нем были кольчуга и кожаные доспехи этих примитивных людей.

И теперь, как и много лет назад, когда он впервые оказался на арене кандидатов, он вступил в бой не на жизнь, а на смерть.

Звуки дуэли

Воин: Отлично, кандидат!

Леонатос: Он мертв! Я атаковал с такой силой, что пронзил его сердце! Теперь я помню... Ему не нужно было умирать!

Воин: Но если бы твой удар не был смертелен, он мог бы броситься на тебя и победить. И тогда тебе не суждено бы было войти в башни Ваала Кровавым Ангелом.

Леонатос: Кто ты?!

Воин: А ты как думаешь?

Гора Авессалом

Леонатос: Это место я тоже знаю! Гора Авессалом, в гряде Небесных Клинков – опять Ваал!

На склонах горы Авессалом проходили испытание послушники Кровавых Ангелов. Они пытались добраться до вершины, борясь с обжигающими ветрами Ваала, губительными осколковыми штормами и стаями птиц-падальщиков, ждущих возможности очистить их скелеты от плоти. Испытание было безжалостно, беспощадно, в нем проверялась не только умение выживать и физическая сила, но и воля. Как и все послушники со времен основания крепости на Ваале, Леонатос, прежде чем получить имплантаты и аугментации космического десантника, должен был достичь вершины Авессалома или умереть на пути к ней.

Леонатос был не один. Как и в его воспоминаниях тех далеких лет, впереди сидел, укрывшись за валуном, еще один кандидат, с кожей, до крови ободранной бритвенно-острыми ветрами.

Леонатос: Брат! Брат! Не останавливайся, не сдавайся! Ты погибнешь, если не продолжишь путь!

Послушник: Леонатос, ты? Ну конечно, ведь ты самый сильный. Всегда им был.

Леонатос: Не останавливайся, брат, я тебе помогу.

Послушник: Если ты поведешь меня, погибнем мы оба. Нет, Леонатос, иди вперед. Ты никогда не задумывался, а стоит ли возможность быть Кровавым Ангелом всего этого. Никогда не задавался этим вопросом, правда? Но, может, цена, которую мы должны заплатить, слишком высока? Мы уже не будем теми, кем были раньше, нас даже нельзя будет назвать

людьми. Мне кажется... Мне кажется, я уже осознал, как далеко могу зайти ради службы своему Императору, и этот предел находится далеко от вершины.

Леонатос: Мне ясно, что ты делаешь, демон! Тебе никогда не сломить мой разум! Моя вера в собственное предназначение – это мой щит! Брат, когда я прошел мимо тебя, я не спросил твоего имени.

Послушник: А ты заслуживаешь того, чтобы знать его, Леонатос?

Трамессина-IV

На этот раз Леонатос не узнал место, в котором оказался. Это было поле битвы, такое же, как все остальные, но он ясно помнил все, на которых бывал, и был уверен, что здесь он не сражался.

Он стоял на окраине города, разрушенного войной; его башни и шпили упали, дворцы и храмы были охвачены огнем. На горизонте шагали гигантские боевые машины Империи, подсвеченные пламенем горящих зданий. Обтекаемые механизмы ксеносов-эльдар, слишком элегантные для уродливой войны, прочесывали руины.

Тела были повсюду, людские и эльдарские. Невдалеке лежал убитый Кровавый Ангел – его броня была расколота каким-то причудливым ксеносским оружием. Гвардейцы висели на заграждениях из колючей проволоки или были свалены кучами среди мусора.

Здание неподалеку еще удерживал отряд имперских гвардейцев, расстреливавших врагов из окон лазерными винтовками. Подойдя поближе, Леонатос узнал знамя, гордо развевавшееся над крышей. Это же знамя, только изорванное и опаленное, он видел на стене Муула.

Леонатос: Цвета Кадмейских янычар! Это... Это Трамессина-IV, где янычары сражались вместе с Кровавыми Ангелами. Почему ты перенес меня сюда, демон? Что здесь может меня сломить?

Гвардеец: Солдаты Кадмеи! Кровавые Ангелы организуют здесь оборону, и мы будем рядом с ними. Есть здесь кто-то, кто даст знаменитым ангелам смерти повод назвать янычар трусами? Есть здесь кто-то, кто сбежит, пытаясь спасти свою шкуру, пока Кровавые Ангелы будут сражаться? Нет! Они скажут, что мы столь же сильны духом, как космические десантники! Я знаю, многие из вас говорили, что нам следует отступить и перегруппироваться. Но не таков наш путь! Если лучшие воины Императора решили остаться и продолжить сражение, то так же поступим и мы! Пусть мы погибнем, но что бы ни случилось, имя Кадмеи будет покрыто славой!

За руинами возвышался эльдарский титан – изящная и стремительная машина смерти в тридцать метров высотой, на одной руке которого крепилось огромное лазерное орудие ксеносского происхождения. Оно выстрелило раз, и алый поток разрезал здание надвое.

Строение упало, подняв облако пыли и мусора, но грохот падения не сумел заглушить крики солдат внутри.

За титаном хлынули вражеские солдаты. Они неслись через руины, казня раненых и расстреливая тех, кто был способен стоять и сражаться. За несколько мгновений погибли сотни, и их кровь смешивалась с пылью, превращая землю в бурое болото. Это была война в своей самой стремительной, самой судьбоносной, самой бессердечной форме.

Опустилась тьма. Силуэт титана разросся и закрыл собой все небо Трамессины-IV.

Леонатос: Что может изменить очередное зрелище войны, демон? Думаешь, меня это сломит? Я пережил тысячу таких сражений.

Голос: Нет, не таких.

Пробуждение

Вслед за тьмой пришли холод и безмолвие. Не совсем забытье – скорее сон,

какого Леонатос не знал с тех пор, как его сделали космическим десантником, с тех пор, как его перестали посещать сновидения.

Но сейчас они явились: обрывки изображений и ощущений, перемешанные в беспорядке, в котором проглядывало что-то цельное. Ему снились лица давно умерших людей, детали невозможных картин, увиденных на Эйдолоне, суд перед орденом, где его лишили всех званий и заставили отправиться на поиски меча Белария. И куда более странные вещи. Мысли и идеи, обретшие форму, ворвавшиеся в бытие. Составленные из одних лишь мыслей хищники, что пожирали слабые умы. Видения варпа, зараженные не-реальностью, которая правила в этом безумном измерении.

Когда он проснулся, его ждала боль.

Узники

Тибальт: Капитан Леонатос! Доброе утро.

Смех

Лизандр: Капитан, вы проснулись?

Леонатос попытался шевельнуться, но не смог. Его привязали к одному из тех крепких, покрытых колючками деревьев, что окружали оазис, а конечности обмотали растущими на стволах волокнистыми лозами. Когда он начал бороться, они лишь сильнее сжались, как змеи, не забывающие о силе своей жертвы.

Леонатос: Скаут-послушник, что произошло? Где мы?

Тибальт: Недалеко от пещер, где мы нашли тебя, Кровавый Ангел, и твоих боевых братьев, лежащих без сознания. Многие из моих солдат хотели пустить тебе лазерный заряд в голову, но командир здесь я. Я приказал, чтобы тебя, в кои веки беспомощного, принесли сюда и связали, и ты узнал, почему тебя казнят. Да, мы от многого отреклись, но Кадмейские янычары все еще помнят о чести и не станут убивать спящего врага или губить его

обманом. Если человеку предстоит умереть, он должен знать почему, и он должен услышать причину... от своего палача.

Клотен: Они схватили нас всех. Я бы после этого отправился в искупительный поход, да только уже в одном участвую. Нет для воина ничего более постыдного, чем оказаться в таком беспомощном положении!

Лизандр: Что вы увидели в пещере, капитан?

Леонатос: Это не имеет значения. Уверен, все мы видели разные вещи.

Тибальт: Да, сирены оазиса. Нам пришлось дорого заплатить за то, чтобы они действовали в наших интересах. Всем пойманным в крепости мутантам мы перерезали горло на алтаре собора. Вообще сиренам не нужны жертвоприношения, им просто нравится ощущать свою значимость. Разумеется, когда мы сказали им, что собираемся привести в их логово космических десантников, они несколько охотнее пошли на сговор.

Леонатос: Этот мир извратил вас, полковник. Он отнял у Кадмейских янычар честь, завоеванную в крестовых походах Императора. Но вы еще можете искупить свои грехи! Вы еще можете вырваться из-под проклятья Эйдолона!

Тибальт: Ха! Эйдолона? Мы отринули Императора задолго до того, как оказались на Эйдолоне. А я думал, что вы – одни из лучших воинов Императора. Неужели вы до сих пор не догадались? Даже сейчас, связанные, находящиеся в нашей власти, вы все еще не понимаете? Когда мы встретили того демона над Субиако Диабло, нам сразу стало ясно, что мы наконец нашли способ отомстить. Он рассказал нам о мире, где вас можно будет найти, и о его демоническом лорде, который согласится заключить с нами сделку. Он помог нам заманить вас: перенес в Муул и со своей стороны предпринял все, чтобы ваш путь привел вас сюда. Поведал о сиренах и объяснил, что нам нужно будет сделать, чтобы поймать вас в ловушку. В ответ он попросил лишь ваши черепа... И я согласился. Все мои люди согласились, и они вступили в этот ад, чтобы посмотреть вам в глаза, когда вы будете умирать. И как ты думаешь, почему мы на все это пошли, м? Обрекли себя, потеряли в процессе половину солдат, и для чего же?

Леонатос: Ты ненавидишь космических десантников...

Тибальт: Плевал я на космических десантников! Меня волнуют только Кровавые Ангелы.

Леонатос: Из-за Траммесины-IV!

Тибальт: Из-за Траммесины-IV... Мы могли бы отступить, мы могли бы пережить сражение. Все те люди. Но поскольку могучие Кровавые Ангелы не сдавали позиций, мы тоже не могли этого сделать. Потому что мы не позволили бы себе так запятнать свою честь. Вы все это знали, но ни один Кровавый Ангел не дал нам разрешение отступить. Вашему командиру достаточно было только одно слово произнести: “Уходите!”, и это сохранило бы нам и жизнь, и честь. Но нет! Мы были вынуждены остаться и сражаться. Но мы – не Кровавые Ангелы, поэтому для нас это значило остаться и умереть! Одиннадцать тысяч человек! Ксеносы уничтожили их меньше чем за час! А после всего этого, когда те немногие, кто выжил, добрались до имперских позиций, нам заявили, что поскольку мы сражались так отважно, теперь мы связаны клятвой! С вами! Какая сила воли потребовалась, чтобы удержаться и не плюнуть в лицо Кровавому Ангелу, который сказал нам, как хорошо мы себя проявили! Как будто вышитая полоска на каком-то боевом знамени вернет к жизни лучших сынов Кадмеи...

Леонатос: Но это было несколько столетий назад!

Тибальт: Как и Ересь Хоруса! Как и Эра Отступничества! Однако космические десантники говорят о них так, будто они произошли лишь вчера. Вы никогда не прощаете – но и мы тоже. От командующего к командующему, от офицера к офицеру, на протяжении всех последующих поколений мы передавали клятву. Клятву мести Кровавым Ангелам! Мы сражались в императорских войнах, ожидая подходящего момента, и когда он пришел, мы его не упустили!.. Жаль, конечно, что я не могу отплатить всему вашему ордену, но и вы четверо подойдете. К тому же в будущем еще представятся новые возможности. Повелитель Эйдолона нам это обещал.

Леонатос: Вам не будет прощения, Тибальт! Тебя найдут – не мы, так Император! Даже здесь, на Эйдолоне, предателям не скрыться!

Тибальт: Довольно! Янычары! Приступить к исполнению приговора!

Кадмейские гвардейцы выбрали для расстрельной команды двадцать

человек. В их лазганы были установлены перегруженные батареи, чтобы выстрелы смогли пробить даже плотную мускулатуру и кость космического десантника.

Тибальт приказал им построиться и подождал мгновение, прежде чем приказать открыть огонь – словно наслаждаясь видом четырех Кровавых Ангелов, связанных и беспомощных.

Броня веры

Клотен: Без брони, без оружия... Не так должен умирать космический десантник.

Леонатос: У нас есть оружие, брат Клотен.

Клотен: Я знаю, капитан, но от брони веры и меча истовости в этом бою толку много не будет.

Леонатос: Я говорю буквально. Кончик меча, которым лорд Хексус ранил меня в крепости, еще у меня. Я не давал Тибальту закончить монолог, чтобы выиграть время и вытащить его из спины. Он уже почти у меня в руке, нужно еще несколько секунд.

Протей: Но у нас их, кажется, нет, капитан.

Тибальт: Услышь последние в своей жизни слова, Кровавый Ангел. За Трамессину и сынов Кадмеи я приговариваю вас к смерти! Расстрельный отряд! Оружие на изготовку!

Леонатос: Подожди! Неужели ты не хочешь узнать, почему вам не позволили отступить на Трамессине? Неужели ты думаешь, что твои люди погибли лишь потому, что Кровавые Ангелы хотели что-то доказать? На то была причина!

Тибальт: Мне все равно! Целься!

Осколок меча был уже в руке Леонатоса, и он резал лозу, крепко его связывавшую.

Протей: Мой капитан говорит правду! Ксеносы могли выйти нам во фланг, и тогда все было бы кончено! Мы знали, что Кадмейцы не сдадут позиций и будут сражаться, а значит, дадут нам время перейти в наступление! Кадмейским янычарам это стоило многих жизней, но без них Трамессина-IV была бы потеряна.

Тибальт: О, то есть нас повысили с жертвы доктрины до отвлекающего фактора? Как я сожалею, что могу убить вас только один раз. Огонь!

Лоза поддалась. Леонатос вырвался из пут, занес руку и метнул осколок меча. Он был как всегда меток.

хрипение Тибальта

Клотен: Хороший бросок, капитан.

Освободившись, Леонатос сорвал лозы со своих боевых братьев.

Гвардеец: Они вырвались! Открыть огонь! Открыть огонь!

Леонатос: За Ваал! За Данте! За Сангивиния!

Сказанные ранее слова Леонатоса, что у них есть оружие, были правдивы одновременно в нескольких смыслах. У них были их кулаки, дополненные сверхразвитой мускулатурой и невероятно плотными костями. У них была скорость восприятия, благодаря которой в битве время словно замедлялось. Даже без болтеров, цепных клинков и силовой брони все они оставались живым оружием. Они бросились к гвардейцам с такой стремительностью, что даже солдатам расстрельного отряда удалось сделать лишь пару выстрелов, прежде чем Леонатос и его боевые братья оказались среди них. Кровавые Ангелы не обратили внимание на боль от тех немногих выстрелов, что в них угодили. Они преодолели расстояние до гвардейцев за полсекунды и начали убивать.

Что я могу сказать о сражающемся космическом десантнике, что не говорилось уже тысячи раз во всех боевых проповедях и песнях? Вам это описывали как танец смерти, где каждое движение, тщательно выбранное и

исполненное, наделяло убийство неким кровавым изяществом. Возможно, вам описывали материализовавшуюся ярость, отбрасывающую нас к тем временам, когда человек был диким животным, и звериную неистовость, вновь возвращающуюся на поля сражений.

Я долго пытался подобрать слова, которыми можно было это точно описать. Но слов недостаточно. В Мууле они были божественны, они были аватарами войны. В оазисе, охваченные яростью, в пятьдесят раз уступающие противнику по численности – совсем иными, воплощениями гнева и разрушения. В этот момент я осознал, что они не просто так назывались ангелами смерти.

А что касается меня... Я, разумеется, тоже погиб. Все мы погибли. Они уничтожили всех солдат 409-го Кадмейского. Те, кого успели предупредить, схватились за лазганы, но разгневанные космические десантники уже стояли перед ними мгновение спустя. Многие сбежали в пустыню и там стали жертвами местных хищников или погибли от перегрева. Некоторые укрылись в пещерах; их пожрали сирены, договор с которыми закончился в тот же момент, когда они отдали нам Кровавых Ангелов для казни.

С гордостью могу отметить, что я погиб сражаясь. Я никогда не отличался ни боевыми умениями, ни храбростью, но я знал, что мой час настал. С лазерным пистолетом в одной руке и боевым ножом в другой я побежал на Кровавых Ангелов, ворвавшихся в наш лагерь с места казни. Меня убил воин по имени Лизандр. Он проломил мне череп ударом кулака, и я упал, перестав что-либо воспринимать. Его лицо, перекошенное от гнева и ненависти, стало последним, что я запомнил. Он был послушником в ордене, новобранцем в рядах Кровавых Ангелов, но мне казалось, что сама смерть явилась в его обличье. И эта смерть была куда величественнее, чем заслуживал такой ничтожный человек, как Демосфен Кейн.

Но как же я тогда веду свой рассказ, спросите вы? Дело в Эйдолоне, разумеется. На этой планете смерть – это не путь из бытия. Эйдолон не отпускает своих мертвых, он использует их. Ныне мой дух привязан к забрызганным кровью камням пустыни, и на этих камнях я вырезаю свою историю, проговаривая ее миллионы раз, переживая ее снова и снова и каждый раз умирая.

Это не награда. Это не наказание. Просто таков Эйдолон.

Кровавые Ангелы забрали свою броню и оружие и ушли из лагеря, заваленного телами. Они продолжили путь по пустыне, вновь направляясь к следующему пункту назначения, городу под названием Вада.

Клотен: Еще одна пачка предателей уничтожена. На Эйдолоне они никогда не заканчиваются.

Леонатос: Нет, брат Клотен, они были не такие, как прочие. Да, они были предателями, но породил их не Эйдолон. Их породили ангелы смерти.

Они молча продолжили путь. Между тем наступила ночь, и на демонический мир опустилась холодная тьма.

Данте и Мефистон

Мефистон: Лорд Данте! Вы нечасто удостаиваете библиариум ордена своим присутствием. Полагаю, вы уже прочитали скрижали?

Данте: Да, старший библиарий. Я в смятении.

Мефистон: Командующий Кровавыми Ангелами, Данте, в смятении? Не думал, что мне когда-либо доведется это увидеть.

Данте: А я не думал, что мне доведется вновь услышать о капитане Леонатосе. Я был уверен, что послал его на смерть, отправив искать меч Белария. Где нашли эти записи?

Мефистон: Нам их передал исследовательский отряд Адептус Механикус. Они утверждали, что обнаружили их на погибшем корабле, дрейфовавшем возле Вурдалачьих звезд. Их магос сказал, что он произвел анализ скрижалей и определил, что им несколько тысяч лет. С того момента, как Леонатос покинул Ваал, прошли годы, а не тысячелетия. Время в варпе действительно течет странно...

Данте: Варп приносит только ложь. Но автор, этот... Демосфен Кейн, знал о Леонатосе и его походе, и о его боевых братьях, отправившихся вместе с ним – хотя они многих, судя по всему, потеряли. Битва на Трамессине-IV описана так же, как в наших летописях – как и обстоятельства кровной клятвы с Кадмейскими янычарами.

Мефистон: Значит, вы считаете, что это правда?

Данте: Я считаю, что это и правда, и ложь одновременно. Если Леонатос действительно оказался на демонической планете, произошедшее там нельзя однозначно отнести ни к реальности, ни к иллюзии. Разве варп не извращает саму идею истины? Думаю, Леонатос жив, и его поход еще не закончен. Но описывает ли эта повесть по-настоящему реальные события? Было бы неразумно всецело доверять словам, порожденным варпом.

Мефистон: Может, это и ложь, командир, но смысла она не лишена. Она повествует о судьбе и о расплате. Могущественные силы следят за походом капитана Леонатоса, и они хотят, чтобы мы знали об этом. Независимо от того, как скрижали к нам попали, кто-то... Что-то рассчитывало, что мы их прочитаем. Леонатос стоит на пересечении многих судеб, я чувствую это. С того момента, как вы заменили его приговор изгнанием, вокруг него сплелись нити будущего. Он – пешка в тысячах чужих планов. О одних ему известно, об иных – нет. Но он в любом случае оставит свой след и в нашей реальности, и в варпе, как Кровавый Ангел или же как инструмент каких-нибудь неизвестных мне темных сил.

Данте: Леонатос пользовался большим уважением в ордене. Боевые братья захотят узнать, жив ли он.

Мефистон: Но если он мертв, а это послание – лишь поток лжи, призванный запутать нас...

Данте: Согласен. Мы не можем доверять этим словам. Хотя братья ордена были бы рады узнать, что Леонатос еще жив, если окажется, что это не так, они станут скорбеть еще сильнее, чем сейчас. И честь Кадмейских янычар будет несправедливо запятнана, если эти записи – очередная выходка варпа. Мы должны скрыть скрижали от остального ордена. Их читали только мы с тобой; пусть так будет и дальше.

Мефистон: Как вам угодно, лорд Данте. Я спрячу их в башне Амарео, в

склепах, куда лишь старший библиарий и магистр ордена имеют право доступа. Возможно, однажды, когда их правдивость или лживость подтвердится, мы извлечем их оттуда. А пока они будут лежать вдали от посторонних глаз.

Данте: Мефистон, как ты думаешь, Леонатос вернется?

Мефистон: Думаю? Я думаю, что многие сыграют здесь свою роль: силы варпа, союзники и враги, которых Леонатос приобрел за время своего похода, боевые братья, сражающиеся за него... Но еще я думаю, что в конечном итоге ответ на этот вопрос будет зависеть от самого Леонатоса.

Данте: Ясно. Тогда вопрос с записями решен. Проследи, чтобы все было исполнено. За Сангвиния, лорд Мефистон!

Мефистон: За Сангвиния, лорд Данте.